

Мужская учительская пряталась в самом дальнем углу первого этажа главного корпуса, а значит, сюда мало кто заглядывал.

В центре комнаты стоял большой диван: потёртый, с потрескавшимся кожзамом, из-под которого лезли белые нити набивки, — точная моя копия, такой же вечно вдавленный и сжатый.

Стоило мне сесть на привычное место, как дверь, словно только этого и ждала, отъехала в сторону. Та же самая дверь, которую я открывал всего мгновение назад, но теперь звук её движения был на удивление мягким, совсем не таким, как прежде.

— Учитель.

Я крепко зажмурился. Его голос — как змея, скользил по коже. В его жилах, должно быть, текла тёплая кровь, но каждое его прикосновение было ледяным, пробирающим до костей.

— Вы больны?

Шаги затихли совсем рядом. Даже со стиснутыми веками я ощущал его — он стоял прямо передо мной. Дышать стало трудно от одного его присутствия.

Затем большая ладонь накрыла мой лоб. Капли холодного пота, выступившие на коже ещё в тот миг, когда открылась дверь, потекли вниз, следуя за движением его длинных пальцев.

— Странно. Жара у вас нет.

— ...Я не... болен.

Голос, который я с трудом выдавил из себя, предательски дрожал. Я и сам это слышал.

— Хм-м...

Этот звук был едва различим, но в его тоне я отчётливо уловил недовольство. Я знал. Дальше упорствовать — чистое упрямство. С этой мыслью я с трудом приоткрыл глаза, но так и не смог поднять головы.

В расплывчатой картинке, медленно обретавшей резкость, возник самый обычный школьный наряд. Под идеально отглаженными тёмно-синими брюками — белоснежные кеды. Выше — серый пиджак, а под ним — аккуратно повязанный тёмно-синий галстук.

Форма старшей школы «Сонджин». Все носили её, но для меня существовала лишь одна. Та,

что была прямо передо мной.

Я хотел, чтобы ладонь, всё ещё лежавшая на моём лбу, исчезла, и в то же время отчаянно желал, чтобы она осталась.

— Было бы странно, будь у вас жар.

В одно мгновение мягкая ладонь на моём лбу сменилась грубой хваткой.

— Я вчера входил в тебя снизу, так с чего бы жару быть здесь, наверху?

— ...

— Так ведь?

Он провёл рукой по моему позвоночнику, напряжённому как струна, и тут же без колебаний запустил руку мне в брюки.

Прямиком к всё ещё припухшему отверстию. Движение было пугающе знакомым и естественным.

— Отвечать не собираетесь?

Холодный голос выдернул меня из оцепенения, и я резко вскинул голову. Вопреки ледяному тону, я встретил взгляд глаз с мягко изгибающимися, приподнятыми уголками. Он смотрел мне прямо в глаза, но обращался к моему телу. Его палец, требуя ответа, очертил плотно сжатый вход. Ничто не мешало ему войти сразу, до самого конца.

— Да, ты прав...

Я не мог вымолвить ни слова: ни попросить его убрать руку, ни возразить.

Переводчик и редактор — Rudiment

<http://bllate.org/book/14794/1318939>